

Тамаш Краус
Перестройка и смена собственности.
Исторический фон смены общественной системы
в Восточно-центральной Европы

Перестройка в советской истории

После смерти Сталина, но отчасти ещё по его инициативе, началась реформа государственно-бюрократической экономики, которую чаще всего связывают с именем Хрущёва. Вновь вышла на передний план – как бы в порядке возвращения к НЭПу – возможность децентрализованной «рыночной смешанной экономики», «рыночного социализма». Его противопоставляли сложившейся системе централизованной бюрократической экономики, в которой нерешёнными проблемами оставались бюрократический произвол и отсутствие материального стимулирования. Однако проблема собственности не была поставлена во всей конкретности и в 1968 году, когда в Венгрии вводили новый экономический механизм. В Советском Союзе эти два главных направления – «рыночники» и «плановики» – в 1961-ом году на XXII съезде заключили своеобразный теоретический компромисс. Практическое противоречие между «планом» и «рынком» они в теории разрешили в понятии *производственного самоуправления*, возвратившись к марксистской теоретической традиции, которой придерживался и Ленин. То есть в битвах на ниве экономической политики – под знаком сохранения власти – два основных направления, как правило, приходили к соглашению, а обобществление государственной собственности оставалось на страницах теоретических работ. После Великой Отечественной войны усилился и обрёл определяющую экономическую мощь военно-промышленный комплекс, а он неумолимо противостоял серьёзному пересмотру роли государства. Восстановление Советского Союза после II мировой войны происходило своими силами, страна была исключена из плана Маршалла, да и холодная война в целом консервировала «имперское» мышление. Политические ожидания Запада в отношении Советского Союза всегда выходили за те рамки, в пределах которых советы ещё чувствовали себя в безопасности. Всё это не означает, что не было периодов, когда между Западом и СССР существовали интенсивные экономические и торговые связи, как например в 70-ые годы, в эпоху так называемой «разрядки».¹

Изоляция *государственного социализма* от мира – вопреки распространённому мнению – это не решение советской властной элиты, не какое-то заранее спланированное стремление, а, по сути, была адаптацией, возможным путём «выживания». Вынужденная изоляция, однако, уже ко второй половине 20-ых годов воспринималась как достоинство («социализм в отдельно взятой стране»): государственный социализм окреп, возникла целая культура изоляции.² Крах Советского Союза и государственного социализма в целом в Восточной Европе также неотделим от кризиса этой культуры, в конечном счёте, от её сдачи.

Военная гонка, распространившаяся и на космос, представлялась естественным последствием биполярного миропорядка; внутренние реформы наталкивались на эту систему условий, на сопротивление бюрократии и рабочей силы, которая по большей части проходила социализацию в сталинские времена. На практике Хрущёв, следовательно, очень немного мог сделать в области создания добровольных производственных объединений, рабочего контроля на предприятиях, проведения обобществления государственной собственности. Оставалась авторитарная система, дополненная рыночными элементами и бюрократическими реорганизациями, попытками децентрализации. Однако вряд ли можно было рассчитывать на стабилизацию международной разрядки в период кубинского кризиса, советско-китайского конфликта. То есть, говоря упрощённо, внутренние и внешние властные вызовы оказались сильнее попыток, направленных на обобществление государственной собственности. Более того, постепенное формирование «государства благосостояния» усиливало позиции, авторитет государства и в глазах населения провинции. Внутренние силы, стремящиеся к обобществлению, не могли организовать. Вспомним разгром рабочей демонстрации в Новочеркасске в 1962 году. *Обобществление* сделало бы ненужной огромную армию государственной, партийной и менеджерской бюрократии, поставило бы под вопрос её привилегированное общественное положение. С провалом хрущёвской «перестройки» возможность такого эксперимента исчезла. После этого по всей Восточной Европе для реформирования государственной собственности возможным решением становилось лишь расширение товарно-денежных отношений. Рабочие советы в Венгрии 1956 года, или польское «рабочее самоуправление» 1980 года «сгорели» в огне борьбы за власть.

В эпоху Брежнева в условиях внешнеполитической экспансии бюрократические структуры вновь окрепли, и – при неблагоприятном международном воздействии – способствовали замедлению экономического роста. После попыток реформ Либермана

и Косыгина вновь оказалось, что рыночное «дополнение» государственного социализма при неприкосновенности государственной собственности обречено на провал.³ Когда в 1964 году к власти пришёл Брежнев, мировая экономика ещё была на подъёме, а Советский Союз мог гордиться реальными успехами в «догоняющем развитии». В экономической и социальной плоскости сократился отрыв от Запада. Начиная с середины 70-ых годов, однако, отрыв вновь увеличился, с замедлением экономического развития население Советского Союза столкнулось с непривычным периодом «застоя». Нужно было время, пока пролился свет на главные беды ...

Однако кризис системы во второй половине 80-ых годов сделал неизбежным использование всего накопленного опыта. Вопрос собственности, который не возникал в ходе экспериментов с реформами в 1968г. ни в Венгрии, ни в Чехословакии, не мог стать основополагающим практическим вопросом, но скрытно он присутствовал в течение десятилетий за всеми реформаторскими идеями. Когда к концу 80-ых годов в Советском Союзе разросся кризис системы государственного социализма, уже нельзя было не думать о переосмыслении, практической постановке проблемы собственности, в том числе частной и общественной собственности. Однако по сравнению с 60-ыми годами мир сильно изменился. Основы государственного социализма, структура советской промышленности и сельского хозяйства вместе с отношениями собственности возникли в 30-ые годы, то есть при совершенно иной системе условий мировой экономики.

В отличие от 60-ых годов, когда мировая экономика стремительно шла вверх, а советская экономика в результате «догоняющего развития» реально сократила своё «отставание» от Запада, в 80-ые годы, в мире «неолиберальной глобализации» Советский Союз, опускаясь всё ниже по спирали, утратил шанс «догнать». Разрядка 60-ых годов основывалась на определённом военном паритете, а в 80-ые годы советская экономика уже не была в состоянии поддерживать этот паритет. Ничего не могло оставаться по-старому.

Перестройка в 1985 году началась с реформы системы государственного социализма, а после развала системы и Советского Союза завершилась реставрацией капитализма. Эйфория начала процесса не учитывала того, что в странах капиталистического центра в 80-ые годы закончился цикл развития, который в предшествующие годы позволял существовать кейнсианскому «государству благосостояния». Но тогда ещё мало кто видел подлинное значение такого хода событий с точки зрения всего мирового развития. Это касается и шестилетней истории

перестройки: чем дальше уходим мы от неё во времени, тем яснее видны особенности, существенные черты её истории, причины провала.

Подготовленный к XXVII съезду и опубликованный 26 октября 1985 года проект новой редакции программы партии, отбросив доктрину «развитого социализма», под знаком «перестройки» провозгласил в долгосрочной перспективе возврат к «социализму самоуправления» – представлялось, что предысторию перестройки следует искать в реформах Хрущёва.⁴ В начале разногласия развёртывались не вокруг наследия, хотя в первые три года перестройки в КПСС сложились два основных направления, которые хорошо прослеживаются даже несмотря на то, что потом формировались всё более сложные и дифференцированные политические группировки. Лагерь, называемый консервативным (а поначалу – правым), исходил из сохранения государственного социализма, вёл острую борьбу против т. наз. демократов (и других критиков строя), называемых левыми, поскольку они ломали копья за радикальные реформы под знаком демократического социализма самоуправления.⁵ Однако с годами оба лагеря весьма существенно изменились. «Консервативный» лагерь постепенно сдвинулся в сторону националистической, этатической реставрации, а демократы из левых перешли на либеральную «буржуазную» позицию, можно сказать, на правые позиции, к политике реставрации капиталистических отношений, включающую в себя введение многопартийной системы и «плюрализма собственности». Оба лагеря, однако, являли собой сложную картину с разными интеллектуальными и политическими направлениями.

Для проявления идеологических противоречий в течениях, критикующих возврат к капитализму, то есть для «лагеря социалистов» характерно, что радикальные левые, анархисты, троцкисты, сторонники самоуправления, социалисты-демократы и т.д. обвиняли в восстановлении капитализма бюрократию, «сталинизм», указывая на них как на причину реставрации. В то же время консервативное направление (желающее сохранить систему государственного социализма без существенных изменений) «агентами капитализма» считало силы, нападающие на бюрократию, на авторитарный строй. Это нашло яркое выражение в «письме» Нины Андреевой, опубликованной в «Советской России» 13 марта 1988 года.

За политическими разногласиями вырисовывались различные представления об экономических преобразованиях, об изменении отношений собственности в стране. 1988 год стал поворотным. 1 января вступил в силу новый закон о предприятиях, на основании которого около 60% промышленных предприятий функционировали дальше

по хозрасчёту. Затем, в июне этого же года, советское правительство установило рабочие контакты с Международным валютным фондом и Всемирным банком, и вряд ли случайно в этом же году реабилитировали Бухарина как «отца» рыночного социализма как раз в его столетний юбилей. Но в этом же году экономика страны достигла низшей точки. Согласно исследованию ЦРУ, ВВП вырос всего на 1,5%, а сельскохозяйственное производство уменьшилось на 2%.⁶ В мае Верховный Совет принял закон о кооперативах, по которому кооперативы были наделены равными с государственными предприятиями правами. В этом году появилась в качестве официальной теории концепция *производственного самоуправления*, которая считала приемлемой только рыночную экономику, признающую лишь заработанные трудом доходы. Тем самым в области отношений собственности стремились предоставить властные функции органам рабочих коллективов в противовес бюрократии и технократическому менеджменту. В действительности же под прикрытием теневой экономики пустил корни частный капитал.

В июне этого же года Горбачёв предложил для общественного контроля над партийным аппаратом объединить функции партийного секретаря и председателя совета. Под знаком демократизации вновь выдвинул лозунг семидесятилетней давности «вся власть советам». Вслед за возрождением революционного прошлого выяснилось: корабль однопартийной системы получил пробоину. В этом же году прекратились помехи радиостанциям Свободная Европа и Свобода. Хотя в этом году 300 тысяч человек вышли из КПСС, но общая численность членов партии всё ещё превышала 18 миллионов.

На эту картину, обещающую всё и так, и с точностью до наоборот, бросала тень главная проблема, определяющая поведение советских руководителей: *экономические достижения системы не обеспечивают сохранение внешнеполитических позиций Советского Союза, не поддерживают уровень благосостояния*. Ни под какими обещаниями не было объективной основы. При ухудшающихся условиях жизни расширение демократии само по себе не воодушевляло подавляющее большинство жителей страны.

Но в 1988 году было ещё неясно, захочет ли принять местная и центральная властная элита, а также менеджерская бюрократия такой выход из кризиса, который означал бы интеграцию в мировую экономику, полную реставрацию рыночной экономики под опекой Запада, вместе со сдачей позиций мировой державы. Однако ключевым вопросом и в 1988 году был вопрос о собственности, хотя ещё не

существовало никаких официальных документов, нацеленных на приватизацию государственной собственности. Более того, главным направлением считалось преобразование государственной собственности в общественную.

Собственность и система

Ельцин и его команда под знаменем независимой России к концу декабря 1990 года чуть ли не отменил советские законы. Лучинский и Бакланов фактически сформулировали, что или советские, или российские законы нелегитимны: «Верховный Совет РСФСР принял и с 1 января 1991 года вступил в силу закон «О собственности в РСФСР», направленный на изменение социально-экономических основ общественного устройства, не считаясь с интересами СССР. Решением Верховного Совета РСФСР были отменены законы «О собственности в Советском Союзе» и «О предприятиях в Советском Союзе». Законодательством РСФСР однозначно была введена частная собственность. Её появление не ограничивалось ни по отраслям, ни по размерам. Было признано право приобретения в частную собственность земли, капитала и средств производства, предоставлена возможность создания частных предприятий не ограниченных по размерам, по кругу деятельности. Предприниматели получают право нанимать неограниченное количество работников. Становится неизбежным классовое расслоение общества, появление класса наёмных рабочих. «Закон о собственности в РСФСР» не закрепляет право на трудовую общественную собственность, «Закон о предпринимательстве в РСФСР» не предусматривает статус коллективного, находящегося в собственности народа предприятия. Учитывая, что Верховный Совет РСФСР отменил соответствующие союзные законы на территории республики, можно констатировать, что законодательство не признаёт трудовой коллективной собственности, предприятий всенародной собственности. Преобразование государственной собственности, приватизацию и создание новых предприятий переводит в русло капиталистических отношений и буржуазного бизнеса. Никак не реализуется равноправие форм собственности... Таким образом, новое российское законодательство ставило перед собой две цели: с одной стороны, полное завладение всем производственным потенциалом, находящимся на территории республики, выведение всего этого из Советского Союза; с другой стороны, необратимый поворот в области общественных отношений, способствуя неограниченному развитию капиталистической частной собственности...»

Поскольку согласно решению Совета Министров РСФСР от 22 января все промышленные предприятия на территории России переходили в республиканскую собственность, у Советского Союза (и, конечно, у КПСС – см. указ от 24 декабря 1990г. о вступлении в силу закона «О собственности в РСФСР») не оставалось больше экономической базы. Хотя документ указывал на то, что эти законы наталкиваются на интересы «многих десятков миллионов людей, многих тысяч коллективов трудящихся, и решительным образом могут повлиять на процесс перестройки, на судьбы страны», Горбачёв все свои надежды возлагал на мартовский референдум, который был призван решить вопрос существования Советского Союза.

Заставляло задуматься и положение документа о том, что «реально существующее, неделимое общенациональное имущество, созданное трудом многих поколений, авторитарными методами заключают в рамки республиканских и территориальных структур, а это означает, что противоречия и конфликты – в том числе межнациональные проблемы – из сферы надстройки переносят в сферу базиса, отношений собственности». Несмотря на представляющийся устаревшим язык, чётко вырисовываются главные интересы и группы интересов, что одновременно и Горбачёва поставило перед выбором: с кем дальше? Он даже тогда не сумел решить это, поэтому и проиграл. Ни его сторонники, по большей части будущие путчисты, ни ельцинисты, то есть ни заинтересованные в сохранении системы государственного социализма группы, ни заинтересованные в новом капитализме больше не поддерживали Горбачёва. Те, кто искали нечто третье между государственным социализмом и капитализмом, уже давно не верили Горбачёву. Основные тезисы *демократического социализма* (многопартийная система, рабочая демократия, плюралистическая структура собственности, общественная самоорганизация, рыночные стимуляторы) в действительности стали исключаящими друг друга, пустыми идеологическими постулатами.

В конечном счёте, авторы представленных здесь документов (среди которых Бакланов, главный советник Горбачёва по вопросам обороны, был одним из руководителей путчистов) и сами не могли предложить эффективных ответных шагов. Одной из их идей было: «следует дать указания Центральному Комитету Коммунистической партии РСФСР начать работу в коллективах трудящихся для нейтрализации противоправных мер властей РСФСР, направленных на перевод союзного имущества в республиканское, познакомить их с социально-экономическими последствиями этих мер». Другое предложение также относилось к области

просветительских решений. Они обращаются к Горбачёву рассмотреть, в интересах советского народа и для защиты Советского Союза, на основании 124-ой статьи Конституции, соответствуют ли Конституции СССР и советским законам принятые Верховным Советом РСФСР законы «О собственности в РСФСР» и «О предприятиях и предпринимательской деятельности в РСФСР». Предлагается также издать президентский указ об отмене 3-его пункта решения Верховного Совета РСФСР от 24 декабря 1990 года (закон «О собственности в РСФСР»), на основании которого с 1 января 1991г. закон о «Собственности в СССР» на территории РСФСР теряет силу. Наконец, они обращаются к республиканским компартиям, чтобы они воспрепятствовали выводу производственного потенциала с территории Советского Союза. Местные руководители, однако, были заинтересованы в сохранении своих властных позиций, которые – используя эвфемизм – не совпадали с сохранением Советского Союза как государственной и экономической структуры. На деле августовский путч уже не имел реальной функции, поскольку у сложившейся ситуации не было военного решения ни во внутривнутриполитическом, ни во внешнеполитическом плане.

Одновременно с защитой всесоюзной собственности самой КПСС также не удалось защитить или демократическим путём национализировать своё имущество. Идущие «снизу» требования – с одной стороны, Демократической платформы КПСС, стремящейся стать самостоятельной партией, или, с другой стороны, уже существующих зародышей партий - добивались раздела партийного имущества путём референдума.⁷ В конце концов, раздел начался, но сверху. Сами партийные вожди стали раздавать, например, учебные заведения партии.⁸ Таким образом «национализация» и приватизация советской государственной собственности оказалась связанной с тем, быть или не быть КПСС и Советскому Союзу. Партия за несколько недель до путча пыталась выкарабкаться из кризиса в истинном духе рыночной экономики: сама попробовала заняться производственно-коммерческой деятельностью, чтобы привести в равновесие партийный бюджет, расширить издательскую деятельность, и даже намеревались заняться благотворительностью.⁹

Однако в то время как государственная и партийная собственность начала уплывать к явно не поддающимся общественному контролю группам,¹⁰ теоретические распри вокруг частной собственности не утихали. Благодаря гласности сложилась атмосфера, в которой многие считали, что интеллектуально лучше продуманные программы ещё могут иметь шансы на осуществление. Но и наилучшим образом

продуманные, заинтересованные в преодолении существующего программы определяли основное противоречие в контексте *рынок против общественного хозяйства*. Действительно, это и было основным вопросом, превратившим перестройку в смену режима. Сейчас рассмотрим, как это произошло.

Программы смены режима

А) Рынок – против самоуправления, собственности трудящихся

Первой конкретной программой введения рыночной экономики был т. наз. план Шаталина (май 1990 года), который намеревался внедрить *рыночную экономику* в Советском Союзе в течение 500 дней. То есть на осуществление такого поворота – «от тоталитарной общественно-политической системы к рыночной экономике» – не было отпущено даже половины того срока, который Сталин предусматривал на коллективизацию.¹¹ Эта программа была отмечена именем одного из экономических «чудо-лекарей» эпохи, Шаталина, который первоначально был академиком-математиком. Документ – с современных позиций – является невероятной смесью популистской демагогии и политической программы, построенной на дихотомическом противопоставлении государства и рынка: государство именем народа должно осуществить *поворот* против самого себя. Преамбула программы обращена непосредственно «к людям» в противовес государству, и в самом начале утверждает: по сравнению со всеми прежними реформами «её главное отличие состоит в том, что по своим принципам она строится на новой экономической доктрине. Переход к рынку – *прежде всего задача государства, а не простых людей... Программа выдвигает задачу всё возможное отобрать у государства и отдать людям*» (выделено КТ). Концепция основана на том, что если большая часть имущества и источников при соответствующих условиях вернётся к людям, то это приведёт к значительно лучшим экономическим результатам и сделает возможным искоренение многих негативных явлений в процессе перехода к рынку.

Вводная часть программы – озаглавленная «Концепция и программа»- трактует приватизацию таким образом, что государственную собственность следует возратить то «людям», то «народу». Введение капиталистической системы частной собственности – с небольшим преувеличением – описывается в такой тональности и таким языком, будто речь идёт о введении общественного самоуправления: «Право на собственность осуществляется через разгосударствление и приватизацию, когда государственное

имущество переходит в руки граждан. Именно в этом, в обретении народом собственности проявляется в первую очередь социальная направленность экономики. Это не есть акт реванша, а восстановление социальной справедливости, укрепление прав человека на получение доли из национального богатства страны».¹²

На самом деле программа, которую намеревались ввести уже в августе, выражала желание одной из фракций советского руководства положить на полку первоначальную экономическую концепцию перестройки, программу производственного самоуправления, которую суммировал Абель Гезевич Аганбегян. Этот последний автор, как один из главных советников Горбачёва по экономическим вопросам, разработал для перестройки целую теорию. О значении его книги говорит и то, что она вышла очень быстро, ещё в 1988 году и на английском языке, причём с предисловием одного из самых именитых теоретиков «рыночного социализма» Алека Нове.¹³ В наиболее оптимистичных секциях левых социалистов появилась надежда, что может начаться преобразование «государственного социализма» в социализм самоуправления. Такой анализ не предполагал (или с определённой дозой наивности отворачивался от действительности), что в Советском Союзе возобладает ещё более напористая политическая практика – желание *догнать*, что диаметрально противоположно антибюрократической самоуправляющейся реформе социализма. Сама концепция самоуправления уже ранее возникала и за пределами Советского Союза.

Известно, что в Венгрии, где вследствие разгрома рабочих советов в 56-ом году настоящие корни самоуправления были весьма слабы, однако имелась крепкая теоретическая традиция. Как в области философии, так и экономики существовали сравнительно хорошо разработанные теории. Однако в Венгрии большинство теоретиков самоуправления ещё до смены режима перешли на позиции рыночной экономики (то есть – капиталистическая частная собственность, «гражданское общество» и пр.), ссылаясь на три момента: провалилась югославская практика самоуправления, потерпело поражение самоуправляющееся крыло «Солидарности» в Польше в 80-ые годы, изменилось международное соотношение сил в пользу транснационального капитала и международных финансовых центров («глобализация»). Необходимо, однако, указать и на четвёртый компонент: отказ от самоуправления выражал, что в интересах экономических и политических элит, а также и менеджмента произошёл сдвиг (о чём бывшие «самоуправленцы» говорят неохотно). Называя вещи своими именами: после 1985 года теория самоуправления и

политическая ангажированность при ней уже не была «выгодной», элиты тогда увидели новые возможности выживания. «Продолжатели» Дёрдя Лукача образца 1968 года в Венгрии по большей части, в отличие от своего учителя, перешли к либеральному экономизму, ссылаясь, в частности, на необходимость адаптироваться в мировые процессы. С некоторым опозданием нечто подобное произошло и в Советском Союзе.

Советская концепция самоуправления в основных чертах стала достоянием общественности в 1988 году. А в течение 1990 года уже потерпела поражение, хотя именно тогда возникли в Советском Союзе рабочие комитеты трудовых коллективов, которые и концептуально¹⁴ противопоставили себя формирующемуся союзу демократов (то есть либералов) и государственных аппаратов, а также консервативным силам реставрации. Этот подход «самоуправления» с лета 1990 года в Центральном Комитете КПСС был представлен т. наз. Марксистской платформой, во главе которой стоял молодой экономист Александр Бузгалин. Возможно, они первыми заметили одну важную особенность ситуации: перестройка, в конечном счёте, прокладывает путь неолиберальным экономическим решениям. «Марксистская платформа» восприняла это так, что поддержка рабочего самоуправления – единственная возможность для партии создать такую опору в массах, которая вернула бы страну не в доперестроечные времена, а привела бы к системе ведения хозяйства, в которой непосредственно заинтересованы миллионы трудящихся.

«Рыночники» также говорили об интересах, но только с противоположной стороны, со стороны денежных отношений, обмена. Если они и не высказывали этого открыто, но не оставляли сомнений, что верхние слои общества, значительные группы менеджеров, номенклатуры, финансовой бюрократии и т.д. *на рынке* могут попасть в более выгодную позицию для реализации своих интересов, чем «производящие классы». Вся «перестройка», приватизация государственной собственности – в противоположность решениям социалистического самоуправления и коллективным решениям – вписывается в международный контекст купли-продажи. У «самоуправленцев» не было на это приемлемого ответа, поскольку большая часть общества (включая значительную часть 19- миллионной партийной массы) была не «готова» к настоящему самоуправлению нерыночного типа. Нельзя было в одночасье «отказаться» от выработанной столетиями иерархии капитала (рынка) и государственной власти, от веры в них, хотя в отношении частной собственности и существовали традиционно сильные чувства.¹⁵ Но одно дело – отвергать частную собственность в душе, а другая проблема – способность к самоорганизации в

масштабах общества, которая в советский период не могла развиваться из-за преобладания государства. Всё же нельзя считать случайностью, что рабочие не защитили государственную собственность. С одной стороны, Конституция ещё в сталинские времена декларировала государственную собственность как «собственность трудового народа», которая однако и в форме «всенародной собственности» (Хрущёв) находилась под контролем, управлением различных форм бюрократии (менеджер-бюрократия, государственная и партийная бюрократия, военная бюрократия и пр.), что обеспечивало привилегированное положение этих общественных групп.¹⁶ А руководство КПСС даже в рассматриваемый здесь период развала перестройки не повернулось к забастовочным и иным массовым движениям, чтобы «спасти» всесоюзную советскую собственность и взять в свои руки управление им. На самом деле Горбачёв и иже с ним больше боялись массовых движений, чем возглавляемой Ельциным «смены режима». Они, очевидно, считали, что подвергаются большему риску с настоящей революцией, чем руководимой элитами сменой режима. К массам можно было обратиться популистски и поверх бюрократии, как это делал Ельцин, но обращение к реальному массовому движению чревато серьёзным риском, не говоря уже о том, что со старой «элитной техникой» это было невозможно. Мы даже не ставим вопрос о том, что введение самоуправления «сверху» противоречит самой идее.

Бюрократия, как известно, в течение десятилетий создала для себя огромную систему институтов. В 1987 году советская экономическая бюрократия состояла из 38 государственных комитетов, 33 всесоюзных министерств и более 300 региональных министерств и ведомств.¹⁷ Литература по этой тематике, ссылаясь на Аганбегяна, подчёркивает, что упомянутые здесь примерно 400 органов располагали собственной бюрократией: отделы, управления, учреждения и другие подразделения. Много миллионов людей были заняты на примерно 1,3 миллионах производственных подразделений (43 тысячи государственных предприятий, 26 тысяч строительных организаций, 47 тысяч сельскохозяйственных подразделений, 260 тысяч учреждений в сфере обслуживания и более миллиона точек розничной торговли). Всё это означало, что на этом уровне управления работало 17 миллионов человек, что составляло 15% всего контингента занятых. Но и верхний менеджмент насчитывал около 3 миллионов человек.

Инициаторы перестройки ожидали подрыва этой бюрократической бетонной крепости от воздействия рабочего самоуправления и гласности. Аганбегян рассказывал об определённых успехах выборов директоров заводов на основании их программ и

концепций развития, вследствие чего фактически уже не трудящиеся коллективы были в подчинении у директора, а наоборот; или, по крайней мере, складывались дополняющие друг друга отношения. Тем самым, как казалось, была обеспечена социалистическая направленность экономической реформы, менеджмент не мог выступить в качестве самостоятельной силы против рабочих, и у государства была ограниченная возможность произвольного и чрезмерного вмешательства в экономику.

Короткое время представлялось, что тенденции самоуправления в экономике строятся на крепкой базе. Ведь ещё в 1983 году Андропов¹⁸ (который был знаком с этим, в том числе, по известному и своеобразному венгерскому опыту) поставил вопрос о возможности самоуправления, чтобы ограничивать и сбалансировать, с одной стороны, бюрократию, с другой стороны, последствия рыночных реформ. Однако сданные в аренду небольшие торговые точки показали, что товары из государственной сферы перекочевали – сначала по тройной цене – в арендный, «капиталистический» сектор. Андропов пытался уравновесить это как дисциплинарными мерами, так и «общественным» контролем.

Попытки ослабить центральное управление через рынок и рыночные механизмы происходили с 1988 года, уже при перестройке. Основной категорией этого стал *хозрасчёт*, на который ссылались и «рыночники», и «самоуправленцы», конечно, с разных позиций. Это ключевое понятие «рыночного социализма» несло в себе замену директив центрального планирования политикой цен и стимулирования на местах, значительную степень самостоятельности предприятий, децентрализацию в целом. Мы видели, что с 1988 года встала проблема плюрализма собственности, которая выразилась в разрешении создавать «кооперативы». Новые формы хозяйства, естественно, были – потенциально – мелкими частными предприятиями, а уже с 1988 года они могли нанимать, согласно венгерскому опыту, работников, которые не были членами кооператива. Это явление, собственно, уже относится к предыстории приватизации, поскольку единственной целью этих кооперативов была *рыночная прибыль*. Опасения властей вызывало главным образом то, какими товарами будет вестись свободная торговля: уже в декабре 1988 года запретили кооперативам торговлю видеофильмами и производство алкоголя, ограничения вводились и в других областях. Государство тогда ещё не намеревалось сдавать свои позиции в пользу частного капитала: сфера, где трудилось примерно 3,1 миллионов человек (2,4% всей рабочей силы), давала 3% советского ВВП.¹⁹ «Самофинансирование», обеспечивающее директорам предприятий большую самостоятельность в использовании прибылей,

пришло в резкое столкновение с самоуправлением производителей. Понятно, что менеджер не был заинтересован в том, чтобы делить власть с трудовым коллективом. *Менеджмент был вынужден вести борьбу на два фронта: он воевал как с центральными и местными учреждениями бюрократического управления, так и с советами, организациями наёмных работников (производственные советы, профсоюзы и пр.). Против государственной централизации он объединялся с трудящимися, а против устремлений трудящихся опирался на рыночные механизмы, рассчитывая на поддержку государственной власти.* Как мы уже подчёркивали, наименее разработанным моментом всей концепции самоуправления было то, каким образом может подключиться система общественного самоуправления к мировой экономике, как впишется в неё, как сможет интегрироваться, или – наоборот – как отключится от неё. Одновременно можно было бы учесть все три тенденции. Либерализм (неолиберализм) чувствовал себя на коне именно в этой точке, поскольку марксисты не могли дать адекватный ответ на «вызовы глобализации».

Один из лидеров либералов Г.Явлинский, в частности, под влиянием Михаила Элмана и Яноша Корнаи сформировал свою концепцию собственности – между социализмом и «национальным капитализмом», под влиянием указанных, весьма жизненных процессов.²⁰ Явлинский не принял концепцию неолибералов по государственной собственности; российский автор отождествлял её со свободным грабежом «спонтанной приватизации». Он искал место «менеджерской бюрократии» в процессе реформ, не поняв при этом, что в Советском Союзе и в Восточной Европе вообще возможна только полупериферийная форма капитализма. Намерение вывести менеджеров «из-под государственного контроля», против чего протестовал Явлинский, проявилось в известных явлениях: на государственных предприятиях распространилась двойная бухгалтерия, благодаря которой скрывали, что нелегально присвоенная продукция попадала на чёрный рынок, или за не произведённую продукцию выплачивали премию. Между директорами, менеджерами возникла разветвлённая неформальная корпоративная сеть, которая расцвела в период перестройки. Эта пережившая перестройку сеть переплелась с чиновниками среднего звена, но уже в 1987 году директора, менеджеры открыто повернулись против собственника, то есть против ослабевшего государства. На практике уже в 1989-90 годах реформа собственности на основании двух принятых 7 апреля 1989 года постановлений, по сути, представляла собой применение арендной системы, в рамках которой частным лицам и

негосударственным предприятиям отдавались в аренду государственные предприятия, государственное имущество.

После августа 1991 года вслед за поражением прежнего владельца (советского государства) сами менеджеры заняли место государства, то есть управление и собственность попали в одни руки.²¹ Если они раньше работали на собственный карман нелегально, то сейчас это уже можно было проделывать открыто. «Бунтующий» Явлинский назвал эту систему «мафиозным капитализмом», который – по его словам – не планировался либеральной реформой. Явлинский и либералы думали о «настоящем» собственнике, который приватизирует не для себя, а на рынке скупает акции (он наверняка имел в виду отечественные «инвестиционные институты» и иностранный капитал, банки – у кого же ещё мог быть капитал?). В противоположность этому директора вместе с территориальными государственными учреждениями совместно скупили большинство акций, таким образом, эти денационализированные предприятия не стали ни государственными, ни классическими частными фирмами. А «новое» государство не предприняло никаких попыток для усиления контроля, более того, «новый» персонал служащих и не пригоден для контроля, поскольку он неквалифицированный, необразованный и коррумпированный, а в неславянских республиках сложилась ещё худшая ситуация. Позднее, в начале 90-ых годов, так называемая шоковая терапия оказалась манной небесной для директоров, они стали самыми последовательными сторонниками дерегуляции и больше всех наживались на ней.

Задним числом Явлинский вполне справедливо рассуждал о том, что проблема менеджерской собственности, по сути, состояла в том, что не было такой рыночной структуры, которая бы бесперебойно обеспечивала бизнес, а возникла система, похожая на своеобразную азартную игру: «игра» проходит только в один круг. Поскольку нет «современной рыночной структуры, бесконтрольно забирают огромные прибыли, ничем не связанные с реальным функционированием предприятия или его полезностью». Он констатировал, что чёрный рынок никуда не делся; это проявляется в стремлении избежать уплаты налогов, различных технологиях по отмыванию денег, в сохранившейся «двойной бухгалтерии». Но сюда относится и хорошо известный в Восточной Европе способ: приватизация приносящей наибольшую прибыль части фирмы, остальные части сознательно приводятся к банкротству. В России нельзя было основывать экономику только на экспортных отраслях. Для Явлинского «эффективный собственник» не исчерпывался тем, что нестрашно, ведь разбазаривают только

государственную собственность, потом вторичные собственники компенсируют это. Он указал на то, что между теоретической схемой и реальным российским рынком зияет пропасть. Собственность, – говорил он, «надо передать в надёжные руки». Явлинский в этом смысле – человек международного капитала, он хочет восстановить ответственность менеджера перед «настоящим собственником».²²

«Стерильная» позиция Явлинского не учитывает того, что трудовая собственность представлялась реальным решением. Либеральный–неолиберальный подход страшился в России – не беспочвенно – любых форм трудовой собственности, даже на капиталистической основе. С другой стороны, воцарились утопические представления относительно совместимости приватизации и «справедливости», «коллективизма». В советском обществе было сильнейшее сопротивление идее приватизации и по ментальным, и по моральным соображениям, несмотря на то, что позднее на антикоммунистической основе оно было легко осуществлено на практике (о чём стоило бы поговорить в отдельном исследовании). В любом случае, кажущиеся сегодня наивными представления, которые исходили из возможности общественного контроля над приватизацией, из приоритета общественных и производственных коллективов, ссылались на указ Михаила Горбачёва от 19 мая 1990 года и на советские законы «О собственности». Даже в решении ЦК КПСС и ЦКК от 25 апреля 1991 года подчёркивалась предпочтительность коллективных форм собственности, при сохранении широкого круга государственной собственности. В приватизационном процессе предписывалось «широкое участие коллективов по месту работы и профсоюзов». Характерно, что в обществе столь сильным было желание обобществления государственной собственности, что планы, излагающие приватизацию, производили такое впечатление, будто приватизация и есть обобществление, формирование народной собственности. Оппозиционная антикоммунистическая организация «Демократическая Россия» на своём учредительном съезде 20-21 октября 1990 года также связала проблематику приватизации и социальной защиты трудящихся, как будто их можно совместить. (Вспомним морализаторский, популистский стиль программы Шаталина). Более поздние экономические разработки трактовали такое отношение общества не как отражение в сознании народа²³ определённого исторического опыта общественного самоуправления, а как нелепый и иррациональный духовный рудимент государственного социализма и общественной собственности в противовес чистой частной собственности, рациональному господству «экономики».²⁴

На основании последующего опыта приватизации сколько-нибудь серьёзный и объективный аналитик, рассматривая производственные отношения собственности трудящихся как мелких акционеров, может прийти к выводу, что *приватизация в своей основе – это властные отношения*, которые были нацелены не только на ликвидацию государственной собственности, но и на исключение «трудовой собственности». А ведь трудовая собственность в новой системе в России могла появиться только как одна из форм частной собственности, и как таковая, она была отчуждена от производителей, не делала их заинтересованными в делах предприятия, даже в производстве прибыли. Сколько-нибудь беспристрастные аналитики подчёркивают: если трудящийся собственник не принимает непосредственное участие в управлении предприятием, в контроле над менеджментом, он не может исполнять свои функции собственника, хотя нельзя отрицать, что с точки зрения сохранения рабочего места всё же «народная акция» может иметь серьёзное значение. В рыночной экономике, согласно окончательному выводу: «Превращение формального собственника в реального означает, что интересы собственника преобладают над интересами производителя». Следовательно, речь идёт о неразрешимом внутреннем противоречии системы, вследствие чего собственник-производитель не в состоянии исполнять на предприятии такую функцию, какую исполняли, например, в России 1917 года или в Венгрии 1956 года рабочие советы. Тогда они были коллективными уполномоченными трудящихся и стояли непосредственно над собственностью, то есть над процессом производства, в то время как менеджмент предприятия действовал под контролем коллектива трудящихся.²⁵ Массовое присутствие «трудовой собственности» даже в условиях капитализма несёт в себе реальную угрозу, что в кризисной ситуации может возникнуть требование самоуправления, и это повернётся против системы частной собственности. Таким образом, возникнет непосредственная связь между собственностью и властью. В конечном счёте, судьба общественной собственности была обречена, что, однако, нельзя понять во всей полноте и конкретности вне связи с международным фоном, который в значительной степени определял всю смену режима в Советском Союзе, а в особенности проблему перемещения собственности.

В) Решение от валютного фонда

В декабре 1990 года в Америке было опубликовано «неофициальное», «ни к чему не обязывающее» исследование, инициаторами которого были главы великих держав,

Большой Семёрки, на Хьюстонской встрече в верхах в июле 1990 года. Штабы Международного валютного фонда, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития в Европе, а также советники президента Европейского банка реконструкции и развития подготовили пространный документ, который по стечению обстоятельств в определённом смысле стал *программой смены советского режима*.²⁶ После появления этого документа популистская программа Шаталина утратила свой уникальный интерес, поскольку международное сообщество и советское руководство нашли *modus vivendi*. Пока исследование появилось на свет, власть от Горбачёва перешла к Ельцину, тем самым окончательно были устранены практические препятствия на пути смены режима. Исследование валютного фонда, которое меньше всего содержало идеологические формулировки, по своей основной функции служило «моделью», «материалом» для экономической концепции, планов смены советского режима.

Распад Советского Союза и крах системы государственного социализма, при существенной роли внешних предпосылок, не мог бы произойти без определяющей роли внутреннего экономического и политического кризиса, без непосредственного участия советских властных элит. Сегодня уже вряд ли может быть темой дискуссий то обстоятельство, что развал Советского Союза и государственного социализма теснейшим образом связан с тем, что властные элиты любой ценой стремились сохранить свои позиции во власти и возможность эксклюзивного уровня потребления, увековечить свой контроль над государственной собственностью. Именно ради этого приняли они решение в пользу неограниченной открытости к мировому рынку. Почувствовав непрочность своего общественного положения, потеряв уверенность, элиты стали особенно открытыми в отношении любых решений, которые могли бы стабилизировать их общественный статус. Определяющие группы советских властных элит – вследствие указанных причин – и международные властные и финансовые центры вступили друг с другом в явный и *открытый* «союз». Конечно, внешний «заговор» как причина смены режима (хотя в определённых кругах эта версия популярна поныне) не может восприниматься всерьёз хотя бы потому, что анализируемый здесь документ ещё в 1990 году сформулировал перед мировой общественностью цели и *содействие советских руководителей их осуществлению*, их «*тайный союз*». Исследование валютного фонда «взяло на себя детальный анализ советской экономики, выработку предложений для её реформы и наметило критерии, при которых с помощью западной экономики можно эффективно поддержать такие

реформы». Значительная исследовательская работа и собирание материала не могли бы даже начаться без поддержки советских органов, что показывает истинное положение вещей. С особой благодарностью говорится в исследовании (которое суммирует лишь главные выводы проделанной работы) о «широкомасштабной и значительной поддержке и готовности помочь советских центральных и республиканских органов». Поимённо выражается благодарность главным «спонсорам» – в их числе Министерству иностранных дел и Государственному комитету при Совете Министров СССР по внешнеэкономическим связям, которые организовали наибольшее число дискуссий, Государственному банку, Госкомитету по образованию, Госплану, Министерству финансов, Министерству внешнеэкономических связей, Госкомитету при Совете Министров по реформам и многим другим руководящим органам. Также перечисляются многочисленные совещания, проходившие в Москве, Брюсселе, Париже и Вашингтоне.²⁷

Но уже летом 1990 года авторитетные американские политики и бизнесмены открыто говорили о том, что Советский Союз не сможет сам выкарабкаться из беды, а необходимо непосредственное международное вмешательство. С этой точки зрения особенно поучительна переписка Джорджа Сороса и Бориса Ельцина как раз в этот период. Сорос в письме Ельцину – ещё до совещания Семёрки – сформулировал два важных положения. Первое: «Мир заинтересован в том, чтобы предотвратить погружение в хаос. *В отличие от привычных норм поведения, сейчас необходимо далеко идущее вмешательство во внутренние дела Советского Союза*» (выделено КТ). Вмешательство может быть эффективным и вместе с тем приемлемым единственно правильным образом: если оно будет направлено *на создание такой валютной системы*, которая сделает возможным превращение Советского Союза в федерацию *самостоятельных республик*, а в случае балтийских республик – в самостоятельные государства... Валютная система, которая интегрировала бы экономику, точнее, определила бы способы, как можно оживить разваливающуюся экономику, решила бы успех или фиаско... *Советское руководство осознаёт, что такую валютную систему невозможно создать без внешней поддержки. Нужны не просто кредиты, но такая кредитоспособность, которая повлекла бы за собой приверженность Запада. Если бы Семёрка выразила готовность создать оживляющую Советский Союз валютную систему, то их предложение было бы принято с воодушевлением...*» (выделено КТ). Поддержку нужно оказывать конкретным программам и новым людям. Путь выхода для всей страны ведёт через Россию».²⁸ Ельцин в тот же день ответил Соросу. На него

произвела впечатление не новая валютная система, она ему совсем не понравилась. Ельцин теперь уже как «сменщик режима» просил поддержки Сороса, указывая, что он и есть подходящее лицо, «новый человек», которого стоит финансировать, проще говоря, он способен осуществить самостоятельность республик. Кроме того, он «оберегал» президента СССР от того, чтобы непосредственно тот получал финансовую поддержку, поскольку неумелое использование её дискредитировало бы Горбачёва.²⁹

В противоположность Соросу, исследование Семёрки подошло к делу не со стороны финансовой системы, а была поставлена цель демонтажа самого планового хозяйства как исходного идеологического момента. Программа, которая позиционировала себя сторонником быстрого *перелома*, фактически повторяла лозунги лидеров перестройки об «ускорении», «переломе» и пр., с той разницей, что конечной целью она откровенно провозглашала капиталистическую рыночную экономику, хотя и в этой программе не особенно используется термин 'капитализм'. Из концепции – как и у Шаталина и Явлинского – вырисовывается видение «демократического капитализма» под названием *рыночная экономика*. В ходе попыток реализации и в этом случае невольно приходят в голову мысли о сталинском «большом скачке». Первый раз при знакомстве с программой Шаталина возникла мысль о схожести с методом прежнего осуществления «перестройки»: быстрые и радикальные изменения, *перелом*. Программа валютного фонда суммировала критерии осуществления «рыночной экономики»: «либерализация цен в условиях растущей внутренней и внешней конкуренции», «стимулирование частной собственности, вывод на рынок государственных предприятий».

И действительно, в принципах разрешения предпринимательской деятельности, сформулированных в проекте основного закона СССР в 1990 году, уже фигурирует эта возможность на базе плюрализма собственности, поскольку «создание рыночных отношений» предполагает «свободное предпринимательство», функционирование госсобственности в виде предпринимательской деятельности. Более того, имеется положение о том, что из советского уголовного права следует исключить уголовное преследование «за частную предпринимательскую деятельность». В преамбуле проекта закона, разработанного комиссией под руководством Абалкина, провозглашается: «свободный выбор формы собственности и формы хозяйствования», а также «свободная и здоровая конкуренция». «В условиях рыночной экономики на предприятиях, имущество которых находится в госсобственности, назначаемые государством (или избираемые коллективом трудящихся) руководители (директора)

выполняют функции предпринимателей предоставленными им ограниченными правами для осуществления коммерческой, инновационной и связанной с рисками деятельности...». Одновременно с этим документ определяет только количественное различие между частным и коллективным предпринимательством.³⁰ Таким образом, в это время лишь весьма условно можно было противопоставлять советское законодательство, как «социалистическое», российскому.

Неслучайно, что программа валютного фонда похвалила президентские (горбачёвские) директивы, авторов которых следует искать среди создателей упоминавшегося здесь проекта закона. Похвалила за то, что они взяли правильный курс на формирование рыночной экономики, но ещё привлекла внимание советского руководства к необходимости осуществления ряда «специфических мер, чтобы переход был успешным». Они обещали, прежде всего, «техническую помощь Запада», которая была нацелена всего лишь на быстрое формирование системы институтов рыночной экономики. Однако между формированием системы институтов в России и функционирующим по структурам капиталистических центров развитым капитализмом была резкая, вопиющая разница. Интеграция в мировую систему и вхождение в центр – это два круга проблем, в корне отличающиеся друг от друга.³¹ Эксперты из валютного фонда считали, что уже и в «технической помощи» «субстанциальную роль мог бы играть частный сектор».³² «Рыночная экономика, «платёжный баланс», «системные реформы» - всё это может способствовать окончательному решению проблем: «более тесную интеграцию Советского Союза в мировую экономику». Центральный Комитет также настроился на «интеграцию в мировую экономику»: в декабре предложили оказать организованную помощь, по старым традициям, крупному американскому бизнесмену русского происхождения, потомку царского министра Дмитрию фон Витте, чтобы продемонстрировать приверженность партийного руководства новым формам международного экономического сотрудничества. Встречу – с резолюцией о согласии В. Ивашко – позиционировали как проявление перехода к рыночной экономике. Вместе с тем из документа выясняется: главная цель – подчеркнуть, что иностранный, американский капитал также «поддерживает радикальные меры президент Горбачёва, направленные на стабилизацию сложившейся в стране экономической и социально-политической ситуации».³³

Исследование валютного фонда фактически предъявляло претензии и очень решительно отвергало один момент в связи с перемещением собственности: собственность трудящихся, коллективную собственность вообще. Пространно

критиковали начатую в Советском Союзе (и в других восточно-европейских странах) практику *приобретения собственности наёмными работниками, любую форму коллективной собственности*. Исследование «Семёрки» несколько цинично замечает, что опыт других стран разочаровывает, хотя в конце 1990 года они должны были знать, что, например, в Венгрии правительство и партии всеми силами своей власти ограничивали и парализовали приобретение собственности коллективами работников, так что о разочаровывающем опыте скорее могли бы говорить сами работники. Концепция исследования по сути дела в бывшем Советском Союзе была осуществлена: новая власть оказывала предпочтение менеджерам, директорам и вообще бывшим управленцам государственных предприятий, людям номенклатуры в противовес возможности приобретения собственности рабочими, трудящимися, в ущерб им. Более поздний опыт приватизации показал, что в условиях дефицита капитала приватизация может происходить только путём самого грубого присвоения. Обман как один из способов можно было наблюдать при «ваучерной» так называемой народной приватизации, по сути соответствовавшей программе Шаталина, которая в этой области противостояла более осторожной программе валютного фонда. Любимое средство менеджерской приватизации – совместная акция госчиновника, менеджера и руководителя банка, при которой служащий государственного банка на «покупку» приносящей прибыль части фирмы по минимальной цене предоставляет максимальный кредит, а госслужащий даёт добро, и «всем» становится хорошо.³⁴ Возникает впечатление, как будто консультанты из валютного фонда – пользуясь старой марксистско-ленинской терминологией – стремились создать социальную базу для осуществлений своих программ и снова воспитать категорию «людей особого склада». Практически им подарили госпредприятия, что на (псевдо) научном языке сформулировали так: «Крупные предприятия следует перевести на коммерческую основу, и они будут функционировать так, пока находятся в общественной собственности». Согласно программе предполагалось, что предприятия будут функционировать как своего рода акционерные общества, освободившись от «контроля государства; государственным холдинговым компаниям нужно следовать за моделью холдинговых компаний в частном секторе».³⁵ Дело кончилось, как известно, тем, что быстрое «избавление» от госсобственности в связи с дефицитом капитала в среде элиты вылилось в дикий делёж-грабёж (в русском сленге - прихватизация).

Мы помним, что Явлинский во главе своих либералов вместо номенклатурной и менеджерской буржуазии хотел иметь «настоящего» собственника, который не для

себя приватизирует с помощью государства, а скупает на рынке акции (он имел в виду отечественные «инвестиционные институты» и зарубежный капитал, банки – у кого же ещё мог быть капитал?). Собственность – говорит Явлинский – следует передать «в надёжные руки». Явлинский в таком смысле был человеком международного капитала, он хотел восстановить ответственность менеджера перед «настоящим» владельцем. Только вот неясно, почему должны были новые владельцы отступить в пользу «по-настоящему крепкого» иностранного владельца, ведь тем самым система ликвидировала бы собственную социальную базу. Вновь выяснилось, что отношения собственности одновременно являются и отношениями власти. Таким образом, «хороший» капитализм Явлинского потерпел поражение из-за отсутствия объективных предпосылок. Написанное уже после поворота исследование было оторвано от действительности даже больше, чем программа Шаталина. Ведь Явлинский и сам писал, что не было (и поныне нет!) такой рыночной структуры, которая обеспечивала бы бесперебойный ход бизнеса. Возникла система, напоминающая своеобразную азартную игру: «игра» может идти только в один круг, поскольку «нет современной рыночной инфраструктуры, бесконтрольно добываются огромные прибыли, вовсе не связанные с реальным функционированием и полезностью предприятия».³⁶ Чёрный рынок, теневая экономика никуда не делись, нормальная форма существования капитала – это стремление избежать уплаты налогов, различные технологии по отмыванию денег, бесконечное разнообразие злоупотреблений приватизации, их широкое распространение и пр. Суть новой системы в том, что нет ясных границ между легальностью и уголовщиной.³⁷ Программа Шаталина, призванная решить функцию перестройки по «смене режима», не была осуществлена, по сути, ни по одному пункту, кроме смены собственности путём «дележа». С этим обстоятельством органично связано, что у приватизации и поныне нет общественной легитимности ни в одном постсоветском государстве, ведь новый режим в ходе присвоения собственности оказался не в состоянии соблюсти даже свои нравственные и юридические предписания. Настолько, что под влиянием катастрофического опыта смены режима Явлинский был вынужден своеобразно оправдываться тем, что «глупые» руководители перестройки испортили дело в вопросах собственности, теория будто была хороша, вот только «плохие» политики испортили дело.³⁸

Что касается сути, то частным присвоением государственной собственности история перестройки заканчивается. Вместо нового «демократического капитализма», однако, возникло нечто, больше напоминающее «русский капитализм» начала 20-

ого века.³⁹ Политические рамки этого в символической форме дал «опереточный путч» августа 1991 года и *18-ое брюмера Бориса Ельцина*, по современному летоисчислению *4 октября 1993 года*. Первая дата ознаменовала провал системы государственного социализма, вторая – победу рыночной экономики в России. *Государство*, таким образом, осталось строгим стражем новых отношений собственности – одновременно демонстрируя зависимость новой российской буржуазии от государства и политические–организационные–властные предпосылки формирования нового классового общества.

Перемены во восточноевропейских странах не отделимы от тех "перестроечных" изменений, которые произошли в СССР-России. Понимание этих изменений во многом помогает в понимании и интерпретации смены режима в нашем регионе.

¹ *Европейская ориентация* за десятилетия гонки вооружений всё более проникала в мышление советской властной элиты и политической бюрократии. Затем в эйфории перестройки идея «европейского единства» (Общеввропейского дома) манила советскую, затем российскую властную элиту – иллюзорной – конкретной возможностью «европейской интеграции». Jerry Hough: *Russia and the West. Gorbachev and the politics of reform*. Second ed., N.Y., Sidney etc. A Touchstone book by Simon and Schuster Inc., 1990. 232.

² См. Об этом наш обзор: Font M., Szvák Gy., Niederhauser E., Krausz T.: *Oroszország története*. Budapest, 1997. V. fejezet.

³ О природе развития государственного социализма на венгерском языке см.: *Államszocializmus. Értelmezések – viták – tanulmányok*. (Eszmélet könyvtár, L'Harmattan), Bp., 2007. (Szerk.: Krausz Tamás-Szigeti Péter.)

⁴ Западная историческая литература, как правило, выводит, не без причины, начало, источники перестройки из эпохи Хрущёва, а отчасти описывает её как своего рода продолжение эпохи НЭПа. Ср.: *Perestroika: The Historical Perspective*. Ed. C. Merridale, King's College Edward Arnold, London-N.Y., 1991. Главным образом IV часть: *The New Economic Policy and Contemporary Economic Reform*. Хорошую периодизацию истории перестройки даёт М.Малия: *Советская трагедия*. Москва, РОССПЭН, 2000г. См. ещё несколько важных работ по предыстории перестройки: *Reform in Modern Russian History*. Progress or Cycle. Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, Ed.: Theodor Taranovski, 1995.; Thomas C. Owen: *Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika*. New York, Oxford, Oxford Univ. Press, 1995. Jerry Hough: *Russia and the West. Gorbachev and the Politics of Reform*. Second ed. Simon and Schuster Inc., N.Y., London, Sydney etc., 1990. и т.д.

⁵ Духовный, интеллектуальный фон перестройки первоначально создавал сборник: Иного не дано, в котором главные идеологи, учёные «перестройки» наметили альтернативы настоящего и будущего. Полнее всех сформулировал эту концепцию В.Киселёв в статье: *Сколько моделей социализма было в СССР?* // Иного не дано. Перестройка, гласность, демократия, социализм. Москва, «Прогресс», 1988. (Ред.: Ю.Н Афанасьев) с. 354-369.

⁶ *Oroszország és a Szovjetunió XX. századi képes történelmi kronológiája*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1992. 266.

⁷ См. РГАНИ ф. 89. оп. 11. д. 86. лл. 1-3 и «О проводимой оппозиционными КПСС партиями кампании по сбору подписей граждан о назначении референдума по национализации собственности КПСС».

⁸ «Об обращениях в ЦК КПСС по использованию материальной базы партийных учебных заведений и других объектов собственности КПСС».

⁹ РГАНИ ф. 89. оп. 12. д. 28. лл. 1-3. «О производственно-хозяйственной деятельности партийных комитетов и партучреждений».

¹⁰ В числе других Шаталин и сам весьма активно участвовал в «раздаче» учебных центров КПСС, не забывая об интересах своего учреждения. Ср.: Протоколы заседания Государственной комиссии министров СССР по экономической реформе. No. 11. 12. окт. 1990. с. 1-19, в особенности с. 1-5, с. 9-10.

¹¹ «Переход к рынку. Концепция и программа». Москва, 1990. О поспешной публикации издания говорит и то, что оно вышло в издательстве «Детская книга». Её начали набирать 9 апреля, а 9 мая уже печатали. Составителями сборника была рабочая группа в составе: С.Шаталин, Н.Петраков, Г.Явлинский, С.Алексашенко, А.Вавилов, Л.Григорьев, М.Задорнов, В.Мащиц, А.Михайлов, В.Фёдоров, Е.Ясин. Представители отдельных республик принимали участие в подготовке книги, если даже не в конкретном написании, то дали своё имя для того, чтобы у книги был авторитет всесоюзного масштаба. Группа в своей работе использовала труды многих известных, или ставших известными позднее исследователей, авторов, таких как Н.Шмелёв, В.Мусатов, Е.Гайдар, Т.Заславская, А.Аганбегян и многие другие.

¹² Там же.

¹³ A.G. Aganbегian: *The Challenge Economies of Perestroika*. London-Sidney-Hutchinson, 1988.

¹⁴ Левые экономисты и теоретики дали этому движению теоретическое обоснование (А.Бузгалин, А.Колганов или арестованный в брежневские времена Борис Кагарлицкий). Об организации их платформы см.: А.Бузгалин: *Белая ворона. Последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри*. Москва, 1993. с. 59-76. Об этом движении см., например, исследование Д. Манделя в конце 1990г.: *Perestroika and the Struggle for Power in the Soviet Economy: A New Phase in the Labour Movement*. 1991. 117-154.

¹⁵ Начавшиеся попытки введения самоуправления терпели провал, ведь давно не виданные трудности повседневной жизни, факты «экономики дефицита», сопротивление бюрократии и развал производственных связей усиливали дискредитацию коллективных решений.

¹⁶ Об этой проблематике см.: Krausz T.: A „sztalini szocializmus”. In: *Lenintől Putyinig*. ук. соч., 87-106.

¹⁷ См. Paul R. Gregory: *Restructuring the Soviet economic bureaucracy*. Cambridge University Press, N.Y., Melbourne, Sydney, 1990. 2.

¹⁸ Ю.В. Андропов: *Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР*. // «Коммунист», 1983. № 3.

¹⁹ D. Dyker: *Restructuring the Soviet Economy*. London/N.Y., Routledge, 1992. 94-97.

²⁰ Г.Явлинский: *Уроки экономической реформы*. ЭПИцентр, Москва, 1993. (Далее: Явлинский, 1993.)

²¹ Анализ, пониманию этой проблемы значительно способствуют размышления об экономических элитах Ивана Селени и его соавторов, а также Эржебет Салаи. См.: Szelényi I., Gyl Eyal, Eleanor Townsley: A posztkommunista gazdasági vezetés (menedzserizmus) A gazdasági intézmények átformálása és a társadalom szerkezetében végbemenő változások a posztkommunista átmenet idején. In: *Rendszerváltás és társadalomkritika*. Ред.: Krausz T. Napvilág, 1998.153-193.o. és Szalai Erzsébet: *Gazdasági elit és társadalom a magyarországi újkapitalizmusban*. Вр., Aula Kiadó, 2001.

²² Явлинский, 1993. 60.

²³ Позднее, в начале 90-ых годов, под председательством Ельцина ради таких общественных настроений и идеологической манипуляции под руководством Чубайса провели т. наз. ваучерную приватизацию. Провозглашался лозунг народных акций, а свелось к простому обману трудящихся.

²⁴ Под знаком подобных идеологических конструкций рассматривает вопрос, напр.: Ю.Г. Александров: *Приватизация общественной собственности в России и экономическая теория*. // *Собственность в XX столетии*. с. 490-506. Неолиберальная ортодоксальность принуждает автора, фактически оставаясь в рамках сталинской логики, не видеть реальной разницы между государственной собственностью и общественной, коллективной собственностью. Коллективную собственность он просто переводит в мир утопий.

²⁵ Т.В. Гаврилова: *Акционерная собственность и корпоративное управление*. // *Собственность в XX столетии*. с. 628-631 и Д.О. Чураков: *Русская революция и рабочее самоуправление*. Москва, Аиро-XX, 1998.

²⁶ См.: *The Economy of the USSR: a study undertaken in response to a sequest by Houston Summit: summary and recommendations*. IMF, World Bank etc., Washington, 1990. (Далее: *The Economy of the USSR*. 1990.)

²⁷ Там же.

²⁸ Эту переписку см.: Soros György: *A lehetetlen megkísértése. A kelet-európai forradalmak és a Soros alapítvány*. Budapest, 1991, 117-120.

²⁹ Там же.

³⁰ РГАНИ ф. 89. оп. 12. д. 28.

³¹ Историческое и теоретическое обоснование этого явления дал в 70-ые годы Иммануил Валлерштейн. Immanuel Wallerstein: *The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Academic Press, New York, 1974.

³² *The Economy of the USSR*. 1990.

³³ РГАНИ, ф. 89. оп. 11. д. 67. с. 1-3. О встрече с Дмитрием фон Витте 3 дек. 1990г.

³⁴ См. об этом подробнее: *The Privatisation Scandals in Russia*. In: *Socialist Economic Bulletin*, 1997. december.

³⁵ *The Economy of the USSR*. 1990.,27.

³⁶ Явлинский, 1993., 10–18, 58–62.

³⁷ См. P. Khlebnikov: *Godfather of the Kremlin: Boris Berezovsky and the Looting of Russia*. Harcourt, N.Y., 2000; В.Радаев: *Теневая экономика в России: изменение контуров*. Pro et contra, зима 1999. с. 5-23. Весь номер рассматривает вопросы теневой экономики. Взгляд на проблему в другом ракурсе см.: Borisz Kagarlickij: „*Politikai kapitalizmus*” és *korrupció Oroszországban*. *Eszmélet*, 56. sz. (2002. tél) 79-89.o.

³⁸ Не случайно, что Явлинский отнёсся критически к сложившейся ситуации, но пытался возложить ответственность на политиков. В Венгрии Ласло Чаба, Лайош Бокрош, Ласло Бекеши и др. придерживались «наивной» точки зрения, согласно которой с концепциями валютного фонда, шоковой терапии, неолиберальными планами всё в порядке, только «русские» (и восточноевропейцы) испортили дело. Ср.: Csaba L.: *Pinochet Oroszországban?* In: *Jelcin és a jelcinizmus*. Вр., Magyar Ruszisztikai Intézet, Вр., 1993. 49-66.o. Забавно, что сегодня, в период большого кризиса, такими же аргументами защищают неолиберальные-монетаристские догмы, утверждая, что кризис возник не как следствие неолиберализма, а из-за неправильного применения.

³⁹ Об этом явлении см. Krausz Tamás: *Putyin és az orosz kapitalizmus. Utószó a jelcinizmus kérdéséhez*. In: *Lenintől Putyinig*. 129-138.o.